

Цыганенко Сергей Станиславович,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного процесса
и криминалистики, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: zeross@rambler.ru

Джагарян Наталья Владимировна,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры конституционализма, юридический
факультет, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: nvdzhagaryan@sfedu.ru

Блохин Юрий Иванович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин, юридический факультет,
Ростовский филиал
Российской таможенной академии,
344002, г. Ростов-на-Дону,
пр-т Буденновский, д. 20,
email: prisons@mail.ru

Tsyganenko, Sergey S.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: zeross@rambler.ru

Dzhagaryan, Natalia V.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department
of Constitutionalism,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: nvdzhagaryan@sfedu.ru

Blokhin, Yuri I.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Law Faculty, Rostov Branch
of the Russian Customs Academy,
20 Budennovsky Ave., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: prisons@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF DETENTION

АННОТАЦИЯ. Заключение под стражу является мерой пресечения, применяемой на период предварительного следствия и судебного разбирательства. В литературе по уголовно-процессуальной тематике достаточно полно разработаны вопросы об основаниях избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, основаниях ее изменения или отмены, чего нельзя сказать о ее исполнении. В настоящей статье поднимается проблема отраслевой принадлежности правового регулирования процесса содержания под стражей. Неопределенность отраслевой принадлежности сказывается на качестве подготовки специалистов в рассма-

ABSTRACT. Detention is a preventive measure applied during the preliminary investigation and trial. The literature on criminal procedure topics has developed quite fully the issues of the grounds for choosing a preventive measure in the form of detention, the grounds for changing or canceling it. The same cannot be said about its execution. This article raises the problem of the sectoral affiliation of the legal regulation of the detention process. The uncertainty of the sectoral affiliation affects the quality of training of specialists in the area under consideration and, in turn, the validity of the imposed restrictions on rights. During detention, suspects and accused persons are significantly limited in their rights,

триваемой сфере и, в свою очередь, на обоснованности налагаемых правоограничений. Во время содержания под стражей подозреваемые и обвиняемые существенно ограничены в своих правах, но такие правоограничения должны иметь обоснованные пределы и объемы.

В работе подвергаются критическому анализу некоторые правоограничения, применяемые в отношении лиц, заключенных под стражу, и делается вывод о том, что единственным обоснованием наличия ограничений прав и свобод заключенных под стражу лиц может являться обеспечение интересов отправления правосудия и безопасности как самого подозреваемого или обвиняемого, так и иных лиц. В статье ставится под сомнение обоснованность некоторых существующих правоограничений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заключение под стражу, содержание под стражей, заключенные под стражу, интересы правосудия, обеспечение безопасности, карцер

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цыганенко, С. С. Некоторые проблемы правового регулирования и практики содержания под стражей / С. С. Цыганенко, Н. В. Джагарян, Ю. И. Блохин. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 111–118. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-13

Введение. Заключение под стражу является самой суровой мерой пресечения, которая применяется в случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что «обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью или может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» (ст. 97 УПК РФ).

Агентство правовой информации опубликовало данные за 2023 г., согласно которым на стадии предварительного расследования судами было удовлетворено 88 % ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. В результате только в 2023 г. под стражу было помещено 82 480 человек [15].

Оставляя за рамками нашего внимания вопросы обоснованности избрания заключения под стражу [8–11; 17], в настоящей статье рассмотрим правовое регулирование и практику содержания под стражей.

Основная часть. Если проблемные вопросы оснований избрания, изменения или отмены

but such restrictions must have reasonable limits and scope. This article critically analyzes some restrictions on rights from the point of view of their compliance with the criteria for the legality of restrictions on rights and freedoms – their legal nature, pursuit of a socially useful goal and necessity for achieving the goal. The article concludes that the only justification for restrictions on the rights and freedoms of persons in custody can be to ensure the interests of the administration of justice and the safety of both the suspect or accused and other persons. The article questions the validity of some legal restrictions.

KEYWORDS: detention, custody, persons in custody, interests of justice, ensuring security, punishment cell

FOR CITATION:

Tsyganenko, S. S., Dzhagaryan, N. V., Blokhin, Yu. I. (2025) Some Problems of Legal Regulation and Practice of Detention. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 111–118 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-13

меры пресечения в виде заключения под стражу получили достаточное освещение и разработку, то сфере исполнения указанной меры пресечения уделяется недостаточно внимания в научной литературе. По нашему убеждению, связано это в первую очередь с отраслевой неопределенностью законодательства, регламентирующего содержание под стражей. Правовая регламентация такой весьма ответственной сферы деятельности государства, как содержание под стражей, осталась без отраслевой определенности – она не входит в предмет правового регулирования ни уголовно-процессуального законодательства, ни уголовно-исполнительного [9, с. 52].

Указанная отраслевая неопределенность сферы содержания под стражей в первую очередь влияет на подготовку специалистов. Достаточно сказать, что даже в главном ведомственном учебном заведении – Академии ФСИН России – в учебных планах нет отдельной дисциплины, посвященной содержанию под стражей [16]. Однако при содержании под стражей существенно увеличивается объем правоограничений, налагаемых на заключенных. Но эти ограничения не абсолютны.

Например, за обвиняемыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, остается гарантированное Конституцией РФ избирательное право. Из этого следует, что им необходимо обеспечить, в частности, доступ к агитационным материалам в полном объеме, что часто упускается из виду в некоторых следственных изоляторах.

В практике содержания под стражей возникают и другие вопросы, выходящие за пределы чисто пенитенциарной сферы (организация быта, медицинского обслуживания, решение гражданско-правовых вопросов и т. п.), на которые нельзя полностью распространять правила, установленные при исполнении лишения свободы. Многие вопросы находятся в зависимости от усмотрения сотрудников места содержания под стражей. Из этого следует, что объем и пределы таких ограничений в нормативных правовых актах должны быть обоснованы, а в правоприменительной деятельности (особенно при отсутствии правового регулирования) – правильно применены в соответствии с целями избрания меры пресечения и правового статуса заключенных под стражу, которые не являются признанными виновными в совершении преступления.

Проблема отраслевой принадлежности норм, регулирующих содержание под стражей, поднимается уже давно [2; 3; 7; 18; 19]. И ее нельзя считать решенной до сих пор. В научной литературе до настоящего времени не сформировалось более или менее однозначной позиции. Например, И. В. Караваев относит их к предмету регулирования уголовно-исполнительного законодательства, требующему расширения предмета его регулирования [9, с. 52]. О. В. Баландюк же, напротив, относит их к уголовно-процессуальному законодательству [4, с. 472]. В. Н. Андреев настаивает на необходимости выделения отдельной отрасли права – стражного права [3].

Указанные проблемы не могли не отразиться на подготовке компетентных специалистов в такой сложной и комплексной сфере деятельности государства.

Как уже было отмечено, права и свободы лиц, заключенных под стражу, существенно ограничены, но эти ограничения должны быть обоснованы. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина

могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 своего постановления № 21 от 27.06.2013 конкретизирует это положение: «...любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели)» [13]. В этом же постановлении Верховный Суд РФ подчеркивает: «Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке» [13]. Из этого со всей очевидностью следует, что любое ограничение прав и свобод, в том числе при содержании под стражей, должно одновременно отвечать критериям законности, обоснованности и необходимости.

Правоограничения, налагаемые на подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, не могут обосновываться карой за совершенное преступление, так как содержание под стражей не является уголовным наказанием [10, с. 382; 12, с. 34]. Для определения степени и объема правоограничений важно определиться с их целевой установкой. Очевидно, что они должны быть подчинены целям избрания меры пресечения, но не только. В. Н. Андреев пишет: «Изоляция и сопутствующие ей правоограничения лиц, заключенных под стражу, связаны с достижением целей предварительного расследования и судебного разбирательства... Что касается иных правоограничений, то они определяются... также требованиями безопасности и поддержания режима в местах содержания под стражей» [2, с. 10]. Таким образом, В. Н. Андреев указывает на три цели правоограничений: обеспечение интересов отправления правосудия; обеспечение безопасности; поддержание должного порядка. Соглашаясь с первыми двумя целями, выскажем возражение относи-

тельно правоограничений, обоснованных поддержанием режима. В постановке такой цели видится логическая ошибка.

Действующее законодательство не раскрывает понятия режима. Применяя аналогию с режимом в исправительном учреждении (ч. 1 ст. 82 УИК РФ), под режимом в местах содержания под стражей можно понимать порядок как исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу, так и пребывания под стражей. Такой порядок фактически устанавливается путем наделения субъектов правоотношений определенными обязанностями и запретами, представляющими собой правоограничения. Но эти правоограничения, как уже было сказано, должны иметь целевую установку. В противном случае мы приходим к абсурдному по своей сути выводу о том, что есть правоограничения, направленные на соблюдение самих правоограничений.

По нашему убеждению, возложение дополнительных обязанностей и установление запретов для заключенных под стражу может быть обосновано исключительно необходимостью обеспечения интересов правосудия и безопасности (исключение потенциальной угрозы безопасности как заключенного под стражу, так и иных лиц от самого заключенного под стражу). Иные ограничения, и уж тем более обусловленные соображениями «потому что здесь установлен режим», должны признаваться необоснованными.

Изучение правового регулирования содержания под стражей позволяет выразить сомнения в обоснованности некоторых правоограничений, не направленных на изоляцию в интересах отправления правосудия и безопасности.

Так, свидания заключенных под стражу с родственниками и иными лицами вполне справедливо разрешаются с согласия лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело (в данной статье оставляем за скобками возможность злоупотребления таким лицом или органом своими полномочиями, действенность гарантий от злоупотребления). Представляется, что следователь или суд разрешит свидание, если посчитает, что такое свидание не помешает производству по делу. Однако даже если следователь или суд считают, что свидание с тем или иным лицом никак

не препятствует производству по уголовному делу, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Федеральный закон № 103-ФЗ) в ст. 18 ограничивает их количество двумя свиданиями в месяц. Целевая установка такого ограничения остается неясной.

Другое ограничение, не обусловленное обеспечением интересов правосудия и безопасности, вытекает из порядка содержания заключенного под стражу в карцере, установленного Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (далее – ПВР СИЗО УИС) [14]. Так, содержание в карцере применяется в качестве взыскания, что предполагает больший объем правоограничений. В соответствии со ст. 40 Федерального закона № 103-ФЗ содержание в карцере одиночное. В период содержания в карцере подозреваемым и обвиняемым запрещаются переписка, свидания (кроме свиданий с защитником и проведения с ними бесед членами общественной наблюдательной комиссии), а также приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок и передач, пользование настольными играми, просмотр телепередач.

И хотя нельзя налагать ограничения, не предусмотренные в федеральном законе (по умолчанию), ч. 5 ст. 40 Федерального закона № 103-ФЗ специально оговаривает: «Иные ограничения, не предусмотренные настоящей статьей, в отношении подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в карцере, не допускаются». Несмотря на такой конкретизированный запрет, ПВР СИЗО УИС в п. 389 устанавливает дополнительное ограничение: «При водворении в карцер подозреваемым и обвиняемым выдается закрепленный за карцером комплект одежды (за исключением нательного и нижнего белья) и обуви в соответствии с нормами вещевого довольствия». Хотя ПВР СИЗО УИС не устанавливают этого специально, лица, водворенные в карцер, принудительно облачаются в одежду и обувь, закрепленную за карцером. И это не самого эстетического вида одежда и обувь установленного образца, которая выдается отбывающим лишение свободы. На чем основано такое правоограничение? Во-первых, трудно себе представить обоснование в виде

обеспечения интересов правосудия или безопасности. Во-вторых, данная норма противоречит Федеральному закону № 103-ФЗ.

Возможные оппоненты могут привести обоснование в виде необходимости отличать заключенных под стражу, водворенных в карцер, от иных подозреваемых или обвиняемых. По этому поводу можно привести позицию на тот момент начальника ГУФСИН РФ по Ростовской области С. Ю. Смирнова. Так, в рамках одной из рабочих встреч, на которой присутствовал в том числе и один из авторов данной статьи, С. Ю. Смирнов отметил, что несовершеннолетние, содержащиеся в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН РФ по Ростовской области, принудительно переодеваются в одежду установленного образца, сотрудники же не могут сослаться на норму закона. Находившийся на встрече начальник управления следственных изоляторов Ростовской области объяснил такое переодевание необходимостью отличать несовершеннолетних среди массы других обвиняемых. На это С. Ю. Смирнов резонно возразил: «Вы еще их краской на лбу отметьте». Повторимся: никакие соображения, кроме обеспечения интересов правосудия и безопасности, не могут служить обоснованием для дополнительных запретов и обязанностей, тем более – не предусмотренных нормами федерального законодательства.

Еще одним спорным моментом является метод, к которому прибегает законодатель при закреплении перечня предметов, оборот которых допускается заключенным под стражу. Согласно ст. 16 Федерального закона № 103-ФЗ ПВР СИЗО УИС устанавливают, помимо прочего, перечень и количество продуктов питания, предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, которые подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и приобретать по безналичному расчету (далее – Перечень). Приложение № 1 к ПВР СИЗО УИС содержит исчерпывающий перечень таких вещей и продуктов питания. Очевидно, что продукты питания, предметы первой необходимости, другие товары, не вошедшие в Перечень, считаются запрещенными. А это могут быть самые полезные в быту вещи, владение которыми не создает никакой угрозы ни для отправления правосудия, ни для безопасности. Например, до принятия действующи-

щих ПВР СИЗО УИС в 2022 г. заключенные под стражу не могли приобрести беруши или маску для сна.

Исходя из целевой установки запретов и обязанностей совершенно необходимо в этом вопросе прибегнуть к ограничивающему правовому режиму – вместо перечня разрешенных предметов, продуктов питания и вещей закрепить перечень запрещенных вещей и продуктов питания, в который включить исчерпывающий их перечень, владение которыми создает угрозу для безопасности и (или) обеспечения интересов отправления правосудия. Тем более что именно такой правовой режим установлен в отношении осужденных к лишению свободы (ч. 8 ст. 82 УИК РФ, Приложение № 3 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений). При том что под стражей, в отличие от исправительных учреждений, содержатся лица, не признанные виновными.

Отметим также пробел в регулировании весьма чувствительного вопроса для подозреваемых и обвиняемых сфере экстренной связи со своим защитником.

Статья 18 Федерального закона № 103-ФЗ предусматривает, что заключенному под стражей обеспечиваются свидания с адвокатом, которые проводятся в условиях конфиденциальности. В следственном изоляторе при наличии технической возможности и помещений такие свидания могут организовываться путем использования систем видео-конференц-связи. Свидание посредством видео-конференц-связи предоставляется по заявлению обвиняемого и при наличии согласия защитника. Экстренно же связаться в иных случаях или хотя бы для того, чтобы испросить такое согласие защитника на видео-конференц-связь, можно было бы посредством телефонной связи. Однако все телефонные переговоры, безотносительно адресата, возможны только с согласия лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело (п. 6 ч. 2 ст. 17 Федерального закона № 103-ФЗ).

Считаем необходимым нормативно урегулировать вопрос о телефонной связи с защитником и сделать исключения (в части получения согласия) для телефонных переговоров с защитником.

Менее остро стоит вопрос с обеспечением восьмичасового непрерывного сна заключен-

ных под стражу, тем не менее отметим и эту коллизию. Так, согласно п. 10 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 103-ФЗ подозреваемым и обвиняемым предоставляется восьмичасовой непрерывный сон. Однако расправить и лечь в расправленную постель заключенный под стражу может только после отбоя, что вытекает из п. 9.12.3 ПВР СИЗО УИС, запрещающего расправлять постель до отбоя. При этом время от отбоя до подъема составляет ровно восемь часов, таким образом, заключенный под стражу может расправлять постель во время, отведенное для его непрерывного сна. Хотя это ограничение и незначительное, но оно не является необходимым, можно обойтись и без него, разрешив расправлять постель во время, отведенное распорядком дня на подготовку ко сну. Тем более что такая коллизия создает конфликт между обязанностью соблюдать распорядок дня и запретом на расправку постели до отбоя. Практике известны случаи привлечения к дисциплинарной ответственности за то, что обвиняемый после отбоя не находился в постели. В то же время обвиняемый объяснял такое свое поведение тем, что он находился в процессе расправки постели. В любом случае такое противоречие создает условия для злоупотребления сотрудниками полномочиями на применение взыскания за несоблюдение распорядка дня, что способно создать препятствия к получению досрочного освобождения в будущем.

Гораздо больше проблем возникает в правоприменительной практике при содержании под стражей. При этом правоприменительная практика может существенно различаться в разных регионах, что уже говорит о возможном риске необоснованного ограничения прав и свобод [6, с. 62], так как законодательство о содержании под стражей относится к ведению федерации и не может быть различным в разных субъектах. Следовательно, единое правовое поле должно предопределять и единую практику правоприменения. Однако это не так.

Например, в некоторых СИЗО г. Москвы распространена практика предоставления свидания с защитником только при получении разрешения следователя. Такая практика противоречит положению Федерального закона № 103-ФЗ, согласно которому запрещается требование к адвокату предъявить иные документы, кроме ордера и удостоверения (ст. 18). Тем не

менее такая практика есть, и пришлось даже обращаться в суд для признания таких требований незаконными [1].

В следственном изоляторе г. Екатеринбурга системным является изъятие ранее выданных и оставшихся неиспользованными сухих пайков после возвращения заключенных под стражу с судебного заседания. При обжаловании врио начальника СИЗО в официальном ответе не смог аргументировать такое изъятие ни законностью, ни обоснованностью или необходимостью [5]. Изъятие сухих пайков врио начальника СИЗО-1 ГУФСИН РФ по Свердловской области объяснил, во-первых, тем, что сухие пайки не входят в Перечень (что не соответствует действительности), во-вторых, тем, что заключенным под стражу выдается горячее питание. Сам факт указания на несколько причин уже сам по себе свидетельствует о том, что сотрудники сами не понимают до конца причину изъятия сухих пайков, по сути, перешедших в личную собственность. Потому что для изъятия достаточно было бы того, что данные предметы не входят в Перечень. Этот аргумент нельзя признать обоснованным хотя бы потому, что сотрудники ранее сами же и выдали заключенным под стражу сухие пайки, что уже должно свидетельствовать о том, что продукты питания, входящие в него, все-таки разрешены для хранения. Что же до ссылки на то, что прибывшим после суда обвиняемым выдается горячее питание (что само по себе не является фактом, особенно если заключенные под стражу доставлены в СИЗО после ужина), не доказывает необходимости изъятия у них тех продуктов, которые они не съели во время, отведенное для приема пищи. Тем более что обвиняемые в день участия в судебных заседаниях, как правило, остаются без завтрака и возвращаются обратно уже после ужина.

Выводы. Исходя из того факта, что мера пресечения не является наказанием, а ограничения прав и свобод лиц, заключенных под стражу, обусловлены исключительно необходимостью обеспечения интересов отправления правосудия и безопасности, необходимо пересмотреть предусмотренные правоограничения на предмет их обоснованности и необходимости. В частности, предлагается:

1. Устранить ограничение на количество свиданий с близкими и иными лицами, обще-

ние с которыми не препятствует отправлению правосудия.

2. Поскольку карательная составляющая дисциплинарного взыскания в виде водворения в карцер достаточно регламентирована в Федеральном законе № 103-ФЗ, исключить из ПВР СИЗО УИС не предусмотренную законом карательную составляющую в виде выдачи специальной одежды и обуви.

3. В Федеральном законе № 103-ФЗ и ПВР СИЗО УИС перейти от разрешительного к ограничивающему режиму в установлении перечня предметов и продуктов питания, владение которыми запрещено для лиц, содержащихся под стражей.

4. В ПВР СИЗО УИС исключить запрет на расправку постели до отбоя и предусмотреть расправку постели во время, отведенное расписанием дня для подготовки ко сну.

5. Повышать уровень правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы с тем, чтобы в обращении с заключенными под стражу не допускали ограничений, не направленных на обеспечение интересов правосудия и безопасности.

Фактически при содержании под стражей возникает гораздо больше конфликтных ситуаций, чем отмечено в статье. Но мы намеренно оставляем за рамками нашего внимания открытые нарушения сотрудниками, а указали лишь некоторые, обусловленные «ложно понятыми интересами службы». Указанное обстоятельство предопределяет необходимость дальнейшего приложения усилий в направлении повышения правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Список использованных источников

1. Адвокатам начали запрещать общение с обвиняемыми // Независимая газета. 2025. 12 февр. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-02-12/3_9191_lawyers.html (дата обращения: 28.02.2025).
2. Андреев В. Н. Содержание под стражей в СССР и России (порядок и условия). М.: Спарк, 2000. 198 с.
3. Андреев В. Н. Содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений // Публичное и частное право. 2010. Вып. 3. С. 158–187.
4. Баландюк О. В. Правовая природа и отраслевая принадлежность деятельности по исполнению меры пресечения в виде заключения под стражу (постановка проблемы) // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской Академии МВД России. 2016. № 2. С. 470–472.
5. Блохин Ю. Сухие пайки вне закона? URL: <https://rutube.ru/video/a17ae1d677afdfb06ea991fab51d07c4> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Блохин Ю. И. Особенности правового регулирования исполнения лишения свободы в механизме достижения целей наказания // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2024. № 2. С. 58–65.
7. Евграфов А. П., Даньшина Л. И., Малиновкин С. М. Правовое положение лиц, содержащихся под стражей в порядке применения меры пресечения. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1981. 48 с.
8. Золотарь Е. В. Актуальные вопросы применения заключения под стражу в качестве меры пресечения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 144 с.
9. Караваев И. В. Отраслевая принадлежность норм, регламентирующих процесс исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. Киров: Киров. ин-т повышения квалификации работников ФСИН России, 2017. С. 49–53.
10. Караева А. А. О некоторых вопросах соблюдения прав личности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Государство и право: теория и практика. 2023. № 7. С. 381–384.
11. Комментарий к Положению о предварительном заключении под стражу / под ред. В. А. Кирина. М.: Юридическая литература, 1971. 80 с.
12. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989. 254 с.
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» от 27.06.2013 № 21 // Российская газета. 2013. 5 июля.
14. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» от 04.07.2022 № 110 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/404953247> (дата обращения: 28.02.2025).
15. Применение мер пресечения // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/13/s/14> (дата обращения: 28.02.2025).
16. Реализуемые образовательные программы высшего образования // Академия ФСИН России: официальный сайт. URL: <https://apu.fsin.gov.ru/sveden/education/vo/op-vo> (дата обращения: 28.02.2025).
17. Симагина Н. А. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: зарубежный опыт // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 126–133.
18. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы Особой части. М.: Юридическая литература, 1985. 255 с.

19. Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1970. 271 с.

References

1. Lawyers are now prohibited from communicating with the accused. *Nezavisimaya Gazeta*. 2025. Feb. 12. Available at: https://www.ng.ru/politics/2025-02-12/3_9191_lawyers.html (date of access: 28.02.2025) [in Russ.].

2. Andreev V. N. Detention in custody in the USSR and Russia (procedure and conditions). Moscow: Spark Publ., 2000. 198 p. [in Russ.].

3. Andreev V. N. Detention in custody of suspects and accused of committing crimes. *Public and Private Law*. 2010. Iss. 3. P. 158–187 [in Russ.].

4. Balandyuk O. V. Legal nature and sectoral affiliation of activities on the execution of a preventive measure in the form of detention (problem statement). *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 2. P. 470–472 [in Russ.].

5. Blokhin Yu. Dry rations illegal? Available at: <https://rutube.ru/video/a17ae1d677afdfb06ea991fab51d07c4> (date of access: 05.03.2025) [in Russ.].

6. Blokhin Yu. I. Features of legal regulation of the execution of deprivation of liberty in the mechanism for achieving the goals of punishment. *Academic Bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy*. 2024. No. 2. P. 58–65 [in Russ.].

7. Evgrafov A. P., Danshina L. I., Malinovkin S. M. Legal status of persons held in custody as a preventive measure. Moscow: Publishing house of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981. 48 p. [in Russ.].

8. Zolotarev E. V. Current issues of applying detention as a preventive measure: a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2006. 144 p. [in Russ.].

9. Karavaev I. V. Sectoral affiliation of the rules regulating the process of executing a preventive measure in the form of detention. *Institute for the Resocialization of Convicts: Status, Problems and Development Prospects: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Kirov: Kirov Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017. P. 49–53 [in Russ.].

10. Karaeva A. A. On some issues of observing individual rights when choosing a preventive measure in the form of detention. *State and Law: Theory and Practice*. 2023. No. 7. P. 381–384 [in Russ.].

11. Kirin V. A. (Ed.) Commentary on the Regulation on pre-trial detention. Moscow: Yurirdicheskaya literatura Publ., 1971. 80 p. [in Russ.].

12. Petrukhin I. L. Personal inviolability and coercion in criminal proceedings. Moscow: Nauka Publ., 1989. 254 p. [in Russ.].

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On the Application by Courts of General Jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and the Protocols thereto” dated 27.06.2013 No. 21. *Rossiyskaya Gazeta*. 2013. July 5 [in Russ.].

14. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation “On approval of the Internal Regulations of pre-trial detention facilities of the penal system, the Internal Regulations of correctional institutions and the Internal Regulations of correctional centers of the penal system” dated 04.07.2022 No. 110. *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/404953247> (date of access: 28.02.2025) [in Russ.].

15. Application of preventive measures. Legal Information Agency. Available at: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/13/s/14> (date of access: 28.02.2025) [in Russ.].

16. Implemented educational programs of higher education. *Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia: official website*. Available at: <https://apu.fsin.gov.ru/sveden/education/vo/op-vo> (date of access: 28.02.2025) [in Russ.].

17. Simagina N. A. Circumstances taken into account when choosing a preventive measure in the form of detention: foreign experience. *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2019. No. 4. P. 126–133 [in Russ.].

18. Struchkov N. A. Course in correctional labor law: Problems of the Special Part. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. 255 p. [in Russ.].

19. Struchkov N. A. Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1970. 271 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 09.04.2025

Received April 09, 2025